

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

**Лу Дунсюй**

**Особенности функционирования безличных предложений в произведениях Ф. М. Достоевского и С. Довлатова**

Выпускная квалификационная работа

бакалавра лингвистики

**Научный руководитель:**

к.ф.н., ст. преп. Павлов А.И.

**Рецензент:**

к.ф.н., ст. преп. Роднева Е.К.

САНКТ – ПЕТЕРБУРГ

2016

## **Оглавление**

<b>Введение</b> .....	3
<b>Глава I. Типы безличных предложений в исследованиях учёных</b> .....	6
1.1 Разработка проблемы односоставных предложении в русском языке.....	6
1.1.1 Безличные предложения.....	12
1.1.2Безличные предложения с модальными глаголами.....	17
1.2 Выражение действия.....	21
1.2.1 Состояние человека или животного.....	23
1.2.2 Состояние окружающей среды.....	27
Выводы.....	31
<b>Глава II. Особенности безличных предложений в русских произведениях «Двойник» Ф. М. Достоевского и «Зона» С. Довлатова</b> .....	33
2.1 Безличные предложения со значением психического состояния человека.....	33
2.2 Безличные предложения со значением физического состояние человека.....	41
2.3 Безличные предложения со значением состояния природы.....	49
2.4 Другие типы безличных предложений.....	51
Выводы.....	55
Заключение.....	57
Список литературы.....	58

## **ВВЕДЕНИЕ**

Типология простых предложений, несмотря на кажущуюся исчерпанность этой темы, остается одной из наиболее важных областей исследования русского синтаксиса. Границы простого предложения, его состав, трактовки – всё это остаётся чрезвычайно актуальным материалом для исследования и в наши дни. Наибольшую сложность для типологического анализа представляют собой, на наш взгляд, безличные предложения, выделяющиеся даже на фоне иных разновидностей односоставных предложений. Их ключевая особенность заключается, во-первых, именно в *отсутствии* стандартной, устойчивой структуры, а во-вторых, в том, что отдельные члены предложения, формирующие эту структуру, постоянно меняют свои функции. Говоря о национальных особенностях русского языка, исследователи отмечают, что к его индивидуальным свойствам относится категория безличности и неопределенности. Настоящая работа также одной из своих задач ставит не только рассмотрение вариативности перевода русских безличных конструкций на русский язык, но и пути, по которым следует идти, чтобы сделать обучающий процесс для китайских студентов максимально продуктивным.

Лингвистов давно и неслучайно интересует как языковая категория безличности, так и безличное предложение - главный способ передачи этой категории в повседневном общении. Русский язык вообще отличается от всех языков мира большим богатством безличных предложений. Профессор Е.А. Попова в своих работах, посвященных русской лингвокультурологии, предлагает обратить на этот феномен самое пристальное внимание: по ее мнению, безличные конструкции - это своего рода синтаксическая матрица национального сознания, отражение ментальности. Одним из краеугольных камней русской языковой картины мира полагает категорию безличности и такой известный ученый, как А.Д. Шмелев. Проблему безличности в плане отражения в синтаксическом строе русского языка национального образа человека затрагивает Н.Д. Арутюнова. Таким образом, многие современные исследователи сходятся во мнении, что безличное предложение - не просто

одна из наиболее показательных, ярких разновидностей синтаксических структур русского языка. Этот тип предложения как бы вбирает в себя фундаментальные особенности, присущие мышлению русского человека.

Эти предпосылки позволяют говорить о высокой актуальности избранной нами темы.

**Объектом исследования** являются особенности семантического функционирования безличных предложений в произведениях Ф. М. Достоевского и С. Довлатова.

**Предметом** нашего исследования является самая многочисленная часть глагольных односоставных предложений – безличные.

**Гипотеза:** безличные предложения к концу 20 века становятся менее частотными в русской прозе и утрачивают ряд своих стилистических функций, например, стилеобразующую.

**Цель исследования:** описать функции безличных предложений в петербургской поэме Ф. М. Достоевского «Двойник» в сравнении с функциями подобных предложений в романе С. Довлатова «Зона».

**Задачи исследования:**

- Определить грамматическую природу безличных предложений;
- Описать семантические рупоры безличных предложений;
- Провести статистический анализ безличных предложений в произведениях Ф.М. Достоевского «Двойник» и С. Довлатова «Зона»;
- Выявить основные функции безличных предложений в произведениях Ф.М. Достоевского «Двойник» и С. Довлатова «Зона»;
- Определить причины количественных и качественных изменений в функционировании безличных предложений.

**Материалом** для наблюдения и анализа послужили тексты художественных произведений Ф.М. Достоевского «Двойник» и С. Довлатова «Зона». Отобранный материал составляет более 100 примеров.

**Методы** исследования. Основопологающим рабочим методом является метод структурно-семантического анализа. Этот подход предполагает описание дифференциальных семантических признаков интересующих нас

фразеологических единиц. Для составления более полной картины мы прибегли и к методу сплошной выборки, менее строгому к отбору исследуемого материала, но позволяющему охватить максимально широкий спектр контекстов для статистического подсчета наиболее распространенных случаев. Помимо этого мы обращались и к различным сопоставительным методам, поскольку нельзя было не учесть хронологическую и стилистическую удаленность друг от друга разбираемых нами текстов.

**Новизна** исследования определяется отсутствием лингвистических и литературоведческих работ, в которых бы тексты Ф.М. Достоевского и С. Довлатова рассматривались с этой точки зрения.

**Теоретическая и практическая значимость работы** определяется тем, что ее результаты могут быть применены для дальнейшего изучения семантических аспектов русского синтаксиса и для решения проблем, возникающих при формальном анализе безличных предложений, составляющих значительную часть языкового корпуса.

## **Глава I. ТИПЫ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ИССЛЕДОВАНИЯХ УЧЁНЫХ**

### **1.1 Разработка проблемы односоставных предложений в русском**

## языке

Как отмечают многие лингвисты, односоставные предложения играют в русском языке особую роль. Речь идет об отдельном структурно-семантическом типе простого предложения. Ядром структуры является единственный главный член, в отличие от устройства двусоставных предложений. Этот главный член, как указывает Н.Д. Арутюнова, «одновременно и называет предмет, явление, состояние и указывает на наличие его в действительности, передает отношение к действительности, т.е. оформляет значение синтаксического времени и объективной модальности» (Арутюнова, Н.Д. 1996: 14).

А.А. Шахматов, один из основоположников современного учения о простых предложениях, писал, что односоставные и двусоставные предложения являются базовыми разновидностями указанных синтаксических структур в русском языке. Главный признак, на котором построено это разделение, ученый в духе своего времени определял как разграничение «психологической коммуникации». В то время как в двусоставных предложениях «один состав... является господствующим и соответствует психологическому субъекту, а другой состав – зависимым и соответствует психологическому предикату» (Шахматов А. А. 1941: 49), в предложениях односоставных данного разграничения не наблюдается.

А.А. Шахматов все односоставные предложения разделяет на четыре главные группы:

1. Односоставные бесказуемо-подлежащные предложения. К этой группе относятся так называемые именные номинативные предложения (*Осень. Непогода*), количественно-именные (*Семь часов пополудни*) и так далее. К этому же типу односоставных предложений Шахматов относил и фразы, в которых, как кажется, невозможно однозначно определить главный член: *А крику-то, крику!* (в значении: «Как много крика, как много вы кричите»). Нетрудно заметить, что единственный образующий это высказывание член, находясь в косвенном падеже, не может рассматриваться в функции подлежащего. Ряд ученых, во избежание терминологических

затруднений, предлагали формальное решение проблемы: поскольку в стандартной ситуации одинокий член подобных предложений выражен формой родительного падежа, обозначать такие предложения как *генитивные* (в соответствии с латинским названием родительных форм), в противоположность предложениям номинативным, то есть образованным при помощи существительных в форме именительного падежа.

2. Односоставные сказуемо-бесподлежащие предложения. Эта группа включает в себя определенно-личные предложения (*Жду вашего ответа*), неопределенно-личные (*Дырку просверлили. Вас вызывают из главка!*), инфинитивные бесподлежащие предложения (*Соблюдать диету, не пить, не курить, слушаться врачебных предписаний*), адъективные бесподлежащие предложения (классический пример из грибоедовского «Горя от ума», приводимый Шахматовым: «Служить бы рад, прислуживаться тошно») и, наконец, междометные бесподлежащие предложения (*Чу! Хвать!*).

3. Вокативные односоставные предложения, проще говоря, обращения, передаваемые в специфическом, узнаваемом для носителей языка интонационном оформлении (*А! Ты!*).

4. Безличные односоставные предложения. К ним причисляют спрягаемо-глагольные предложения (*Светает. Задувает. Нездоровится*), инфинитивно-глагольные (*Вам бы все шутки шутить. Пропадать нам здесь*), причастно-глагольные (*Где же это видано?!*) наречные безличные предложения (*Страшно тут у вас*), а кроме того междометные безличные предложения (*Хана! Тьфу ты!*) (Шахматов А. А. 1941: 49).

Мы так подробно рассмотрели классификацию А.А. Шахматова потому, что его учение об односоставном предложении значительно повлияло на дальнейшее развитие русской синтаксической науки, что отмечалось, в частности, В.В. Виноградовым во введении к 2-му тому Академической грамматики русского языка 1954 года (Виноградов В.В. 1954: 71).

Признавая заслуги академика Шахматова как первопроходца в изучении типологии односоставных предложений, авторы Грамматики 1954 года,

однако, дополнили и видоизменили его схему, которая теперь состояла из неопределенно-личных предложений, обобщенно-личных, безличных, инфинитивных, номинативных и слов-предложений. Определенно-личные предложения, напротив, оказались теперь записаны в «двусоставные неполные с опущенным подлежащим».

Следует задержаться на введенном в Грамматике-54 термине «слова-предложения», пояснив его суть. Согласно определению, разговор идет о предложениях, «выраженных одним словом или целым неразложимым словосочетанием, не распадающихся на отдельные члены предложения и не распространяющихся при помощи пояснительных слов». Простейшим примером такой фразы будут ответы «Нет», «Да» или, например, «Так».

В последующий период такое представление об односоставности и двусоставности стало хрестоматийным и было положено в основу научных исследований и учебных пособий по русскому синтаксису для вузов. В круг этих учебников входит, к примеру «Современный русский литературный язык» А. Н. Гвоздева. Гвоздев совершенно закономерно объясняет различие между двумя типами предложений через фундаментальную категорию синтаксиса — предикативность, то есть способность высказывания тем или иным образом соотноситься с действительностью. Собственно говоря, предикативность и образует предложение с его синтаксисом и грамматическими отношениями членов. И если в двусоставных предложениях это свойство фразы обнаруживает себя «в связи сказуемого с подлежащим», то в односоставном предложении предикативность как бы «упакована» в единственный главный член, «который одновременно называет тот или другой предмет, явление, действие и устанавливает его отношение к действительности, что достигается как формами слов, так и интонационными средствами» (Гвоздев А.Н. 1968: 85). Типология А.Н. Гвоздева в целом наследует академической, но интересно, что в отличие от Академической грамматики русского языка, автор, вслед за А.А. Шахматовым, квалифицирует определенно-личные предложения как односоставные.

Среди распространенных учебников по синтаксису наибольшее



внимание проблеме классификации односоставных предложений уделено в книгах, изданных под редакцией Е.М. Галкиной-Федорук: «Современный русский язык: Синтаксис» (1957) и «Современный русский язык. Часть II (Морфология. Синтаксис)» (1964), в специальных разделах пособий, подготовленных А.Г. Рудневым (1968), В.А. Белошапковой (1977), Н.С. Валгиной (1978), Е.С. Скобликовой (1979), В.В. Бабайцевой В.В. и Л.Ю. Максимовым (1981), П.А. Лекантом (1986). Из пособий, опубликованных сравнительно недавно, можно выделить работу В.И. Казариной «Современный русский синтаксис: Структурная организация простого предложения» (2007). Излишне говорить, что проблему односоставного предложения не обходит стороной сегодня ни один школьный учебник.

Приведем ряд существенных для нашего исследования наблюдений, сделанных некоторыми из ученых-русистов.

Так, Е.М. Галкина-Федорук подчеркивает неприменимость каких-либо бытовых трактовок к понятию односоставного предложения как неполного, семантически дефицитного и так далее. Сложность анализа такого рода структур заключается как раз в том, что эти единицы «подчинены всем закономерностям, существующим в синтаксисе» (Галкина-Федорук Е. М. 1959: 109). Галкина-Федорук выдвигает парадоксальную, на первый взгляд, интерпретацию данного типа высказываний, в которых, согласно ее концепции, суждение содержит в себе *предикат*, выраженный при помощи главного члена, но не содержит *субъекта*, полностью вытесненного из конструкции предложения *предметом суждения*, «подверженным живому восприятию» (Галкина-Федорук Е. М. 1959: 111).

М. Ивич в статье «Оппозиция: “односоставное предложение” - “двусоставное предложение”» обращает свое внимание на то, что если в таких языках, как французский, немецкий, английский, «необходимо совместное присутствие и подлежащего (=именная форма) и сказуемого (=личный глагол) для образования предложения», так как «они являются минимальными составными частями структуры предложения» в этих языках, то в славянских языках «минимальная структура предложения может быть

выражена и одной грамматической формой - личной формой глагола в роли сказуемого, без необходимого присутствия подлежащего». М. Ивич отмечает, что минимальная структура предложения в славянских языках может быть выражена одной единственной формой сказуемого.

Н. Ю. Шведова в статье «Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм» предложена типологическое разделение односоставных предложений на основании характера их синтаксических парадигм. Согласно этому подходу, «предложение, как и другие единицы грамматического уровня, обладает системой форм». Под формами в данном случае подразумеваются «все те... видоизменения, которые, не меняя грамматической структуры (типа) предложения, представляют... то или иное его частное грамматическое значение, а в своей совокупности - весь комплекс грамматических значений, свойственных предложению данной структуры».

Отталкиваясь от этого исходного принципа, Н.Ю. Шведова рассматривает три основных типа односоставных предложений:

- 1) односоставные предложения, обладающие собственной парадигмой (полной или неполной);
- 2) предложения со смешанной парадигмой (полной или неполной);
- 3) односоставные предложения, не обладающие парадигмой (Шведова Н. Ю. 1965: 57).

П.А. Лекант сосредотачивает свое внимание на структурно-грамматическом аспекте односоставных предложений, полагая необходимым и достаточным для последующего анализа синтаксических структур всего лишь две категории: глагольные односоставные и именные (субстантивные) односоставные предложения, исходя из того, какой частью речи выражен главный член (Лекант П. А. 1986: 78). Развитие этого методологического положения можно почерпнуть и из работ уже цитировавшейся нами Н.Ю. Шведовой, которая, наряду с классификацией базовых типов односоставного предложения, проводит и более тонкие различия между четырьмя классами структурных схем этих синтаксических единиц: именным (*Ночь*), спрягаемо-

глагольным (*Дел хватает*), наречным (*Надо ехать*) и инфинитивным (*Молчать!*) (Шведовой Н. Ю. 1970: 560). При внешней простоте примеров видно, что во всех выделенных случаях главный член не просто формирует предложение как таковое, но и, в самом деле, регулирует его смысловую и грамматическую структуру.

Весомый вклад в дело изучения односоставных предложений русского языка вносит и труд профессора В.В. Бабайцевой «Односоставные предложения в современном русском языке». Бабайцева предостерегает коллег от того, чтобы понимать этот тип предложений как некое замкнутое, изолированное единство, несмотря на все своеобразие этих фразеологических образований. Подобно своим предшественникам разбирая те или иные разновидности односоставных предложений, она ставит перед собой серьезную задачу выявления их «системных связей... как с двусоставными, так и с нечленимыми предложениями» (Бабайцева В. В. 2004: 156-157).

Подытоживая этот краткий экскурс в историю учения об односоставном предложении, нельзя не согласиться с В.Г. Адмони, метко охарактеризовавшему затронутую нами проблематику как один из «проклятых вопросов русского языкознания». (Адмони В. Г. 1955: 140). Однако, несмотря на богатую палитру методов и выводов, сделанных в разное время учеными, шахматовское противопоставление односоставных и двусоставных предложений, по заключению В.В. Виноградова «прочно вошло в синтаксис русского языка» (Виноградов В.В. 1954: 73-74).

### **1.1.1 Безличные предложения**

Как мы успели убедиться, исходной точкой в построении типологии односоставных предложений является главный член, грамматический центр любой подобной структуры: выделение конкретных разновидностей синтаксических структур осуществляется на основании различия форм главного члена, так как именно он является носителем предикативности, тем самым инструментом, посредством которого она получает свое законченное выражение. Так, сохраняя независимую позицию внутри синтаксического

целого, главный член организует всю фразу целиком.

Руководствуясь работами П.А. Леканта, будем исходить из того, что в современном русском языке многообразие односоставных предложений может быть сведено к двум главным видам: глагольным и именным (Лекант П. А. 1986: 78–110). Такое разделение носит принципиальный характер, в первую очередь, вследствие того, что для каждого из этих видов *независимая позиция* главного члена должна пониматься *по-разному*. Так, поскольку в морфологическом отношении глагольные формы в большой степени связаны с субъектом действия и вообще являются формами скорее зависимыми, чем наоборот, их способность образовывать односоставные предложения, иначе говоря, их способность занимать независимое положение внутри фразы, напрямую зависит от соблюдения некоторых конструктивных условий. Другими словами, глагольное предложение должно быть построено так, чтобы глагольная форма могла занять в нем место независимого главного члена. К примеру, сам по себе глагол *шуршали* практически в обязательном порядке предполагает наличие субъекта, производящего описываемое действие. В то же время в предложении «*За стенкой шуршали*» глагольная словоформа приобретает независимость, поскольку в данном контексте она способна самостоятельно нести на себе всю полноту предикативной нагрузки. Скажем, приведенное нами предложение может быть переформулировано: «*За стенкой шуршали мыши*» Что же касается именных форм, то они способны выражать предикативность в именительном и родительном падеже, поскольку к ним уже могут быть «пристроены» любые признаки.

Исключительно важным для предпринятого нами исследования будет понять место *безличных* предложений в этой дихотомии. Обобщая бытование в структуре односоставного предложения глагольных и именных форм, можно придти к заключению, что неразрывная взаимосвязь между субъектом и предикатом, создающая логическую и грамматическую конструкцию фразы, в ситуации безличных конструкций нарушается, либо опровергает привычное для нас понимание. Дело в том, что главный член безличного

предложения не просто не нуждается в субъекте, но чаще всего даже не предполагает его. Как правило, это объясняется тем, что в единственном главном члене — сказуемом — отсутствует обозначение какого-либо активного лица, производящего то или иное действие: этот загадочный субъект может быть либо неизвестен, либо, если речь идет об объективном физическом процессе, иметь безличную природу, попросту отсутствовать в общепринятом смысле слова. В результате, описанная выше операция, при которой мы выявляем грамматическую функцию члена, переформулируя или достраивая структуру высказывания, фактически не может быть осуществлена, так что мы оказываемся не в состоянии распознать в этой структуре даже гипотетическое место подлежащего. Как писал по этому случаю видный советский лингвист А.М. Пешковский, «подлежащее устранено не только из речи, но и из мысли» ( Пешковский А.М. 1938: 342 ).

Важным следствием этого является то, что глагольная форма, вопреки сложившемуся мнению о своем зависимом, требующим специфических контекстуальных и конструктивных рамок положении, в глагольном односоставном предложении вбирает в себя все основные грамматические категории, включая модальность, темпоральность и персональность. Можно сказать, что это дает сказуемому в такой структуре определенное преимущество перед подлежащим в именном предложении, где предикативные свойства высказывания могут быть переданы лишь опосредованно, с помощью интонации. Кроме того, подлежащее в составе именного выражения, как мы отметили выше, ограничено фиксированными падежными формами, тогда как в глагольных предложениях главный член может принимать любые спрягаемые формы, либо передаваться при помощи инфинитива.

Этот круг феноменов, связанных с функционированием глагольных форм как независимых членов односоставных предложений, оказывается в центре нашей дипломной работы.

В предыдущих частях нашего исследования мы проследили различные подходы к типологии односоставных предложений. Так как, фактически в

интересующих нас случаях речь будет идти о двух способах осмысления *бессубъектности* глагольного предложения, мы получаем возможность упростить свою задачу, взяв за основу такое разделение глагольных односоставных предложений, которое будет отображать в себе два этих понимания в их различных градациях. Иными словами, субъект в безличной конструкции может отсутствовать, но *подразумеваться*, быть просто *неопределенным* (как в примере выше, где мы не знаем, кто конкретно шуршит за стеной, если не получим дополнительной информации); либо же он может *отсутствовать полностью*. Итак, будем в дальнейшем разделять между собой пять видов глагольных односоставных предложений: определенно-личные, неопределенно-личные, обобщенно-личные, безличные, инфинитивные.

Однако это лишь первый шаг на пути построения классификации, способной удовлетворить требованиям нашего анализа. Наряду с этим базовым членением следует ввести еще некоторую стратификацию. Так, уже само сказуемое в составе безличного предложения может быть передано как при помощи глагольных форм, так и при помощи слов *категорий состояний*. например, Лекант П.А. классифицирует безличные предложения по способам выражения вещественного и грамматического значений. Он говорит о синтетическом и аналитическом способах выражения (Лекант П.А. 1986: 86). В свою очередь, в роли глагольного сказуемого могут выступать:

1. Безличные глаголы в грамматической форме 3-го лица единственного числа. В этом случае мы чаще всего имеем дело с глаголом прошедшего времени, в среднем роде (*Смеркалось*). Именно здесь глагол, выступающий в роли сказуемого, при посредстве безличной формы указывает на *безличный характер действия*, и сама семантика фразы накладывает запрет на использование существительных или местоимений в роли «недостающих» подлежащих. В самом деле, как правило, такие предложения описывают не столько действия, сколько *состояния* и *процессы*: «Подмораживает» (состояние окружающей среды, климатические изменения); «Знобит», «Лихорадит» (изменения психического или физического состояния

индивида). Особо оговорим разнообразные оттенки и разновидности модальности, связанные с отношениями долженствования, необходимости и так далее («Не хватает Иванова», «Только этого мне и не хватало!»).

2. Личные глаголы в безличном употреблении. Несмотря на то, что порой уловить разницу между первым и вторым типом бывает трудно, данные глаголы в структуре безличных конструкций имеют четкий отличительный признак — грамматическую неизменяемость. Выражая, как и безличные глаголы, различные состояния природы и человека, либо косвенные, опосредованные действия, не связанные с грамматическим субъектом напрямую («Поле затянуло туманом»), личные глаголы в безличном употреблении употребляются исключительно в форме 3-го лица единственного числа или же среднего рода. Система языка, опять же, сама делает невозможным изменение глагольной формы в таких предложениях, по типу «В голове зашумело — В голове зашумели — В голове зашумела».

3. Возвратные формы личного глагола: *Верится с трудом*;

4. Краткие страдательные причастия (в форме среднего рода): *Все было украдено*;

5. Глаголы бытия с родительным падежом имени: *Не было ни гроша, и вдруг алтын* (Пословица);

6. Неопределенные формы глаголов в сочетании со вспомогательными глаголами, местоимениями или местоименными наречиями: *Куда-нибудь можно от вас скрыться?*

В ходе своего исторического развития русский язык выработал ряд формальных критериев, с учетом которых глагол в предложении квалифицируется как безличный. Нетрудно их перечислить: 1) форма третьего лица, либо среднего рода прошедшего времени; 2) названные формы не должны входить в парадигму лица, то есть не должны эксплицитно выражать субъекта действия; 3) позиция подлежащего при глаголе *не замещается, а отсутствует, блокируется* самой конструкцией. Также безличный глагол может быть дополнительно маркирован постфиксом *-ся* (*не спится*), что демонстрирует тесную взаимосвязь между категорией

безличности и непереходности (возвратности).

Н.С. Валгина считает, что отсутствие подлежащего и (в большинстве ситуаций) подчеркнутая лаконичность безличных предложений, тем не менее, не означает отсутствия распространенных особенностей управления внутри этих фразеологических единиц (Валгина Н.С. 1978: 173). То есть, наряду с иными типологическими особенностями, мы также имеем право распределить общий массив безличных конструкций по типам их структуры. Структурно эти предложения могут быть образованы а) одним-единственным главным членом (*Стемнело*), б) *обязательным* дополнением в форме родительного падежа (*Не было времени к тебе забежать*), в) *обязательным* дополнением в форме дательного падежа (*Что это тебе дома не сидится?*), г) *обязательным* дополнением в форме творительного падежа (*Вдалеке запахло костром*), д) *обязательным* прямым дополнением (*Дорогу развезло*).

Наблюдение за приведенными в классификациях примерами убедительно показывает не только структурно-грамматическую, но и семантическую общность безличных предложений (что не менее существенно для лингвистического анализа художественного текста): во всех рассмотренных случаях речь идет о признаке или действии в целом не зависящем от субъекта: в одних случаях имеется в виду необязательность или несоотнесенность действия с конкретным производителем; в других — о процессах, логически не имеющих производителя и за пределами языка, в области *референции*.

В параграфах ниже мы обратимся к конкретным семантическим делениям внутри массива безличных конструкций.

### **1.1.2 Безличные предложения с модальными глаголами**

Научная классификация безличных предложений не была бы полной без учета *модальных* глаголов русского языка. В терминологическом отношении важно учесть некоторые тонкости: выше мы останавливались на предикативности как способе высказывания соотноситься тем или иным образом с внешней реальностью. Лингвистическая категория модальности указывает на взаимоотношения между содержанием высказывания и его



формой, либо между содержанием высказывания и субъектом высказывания, говорящим. Модальный глагол — понятие значительно более узкое и теснейшим образом спаянное с семантикой и функциями безличных предложений: их назначение — выражать отношение *лица* к частному действию или какому-то зафиксированному состоянию. При этом речь идет не столько об оценке, сколько именно об отношении, скажем, отношении долженствования или желательности.

Первым отечественным ученым, в трудах которого проблематика, связанная с категорией модальности получила основательное аналитическое освещение, был академик В.В. Виноградов. В работах Виноградова наиболее пристальное внимание уделялось не просто семантическим, но и, можно сказать, онтологическим аспектам высказываний, содержащих модальные конструкции: это и значение утверждений, их достоверность, гипотетическая вероятность. Подчеркивались Виноградовым и те качественные, эмоциональные, оценочные характеристики, которыми носитель языка наделяет те или иные действия и признаки, прибегая к помощи категории модальности.

В более поздних трактовках, представленных в теоретических работах Е.М. Галкиной-Федорук и других наследующих виноградовской концепции лингвистов, модальность переосмысливается уже как рабочий термин, подходящий для решения отдельных аналитических задач. С этой точки зрения наиболее существенными чертами этой лингвистической категории были признаны, во-первых, способность сообщать отношение содержания высказывания к реальности с позиции автора высказывания, его мира; во-вторых, сообщать отношение субъекта высказывания к достоверности самого высказывания. Обозначение частей этой оппозиции представляется довольно очевидным: в первом случае мы говорим об *объективной* модальности, во втором — о *субъективной*. Ключевое различие заключается в том, что объективной модальностью наделено абсолютно любое суждение, поскольку абсолютно все, что мы говорим, может быть оценено с точки зрения того, как наши слова соотносятся с действительностью. Более того, мы и сами в акте

коммуникации неизбежно совершаем подобную экспертизу, закрепляя ее результаты особыми средствами (повторяя слова, меняя интонацию, жестикулируя). Вместе с тем, мы далеко не во всех случаях открыто выражаем свое отношение к высказыванию, не всегда осуществляем данные операции эксплицитно, публично. В тех же случаях, когда мы явно обнаруживаем свое отношение к тому, что говорим, наше сообщение приобретает субъективную модальность. Следует признать правомерность замечания, высказанного в одной из работ Б. Плотниковым, указывавшим на то, что на практике подобное разделение объективной и субъективной модальности носит в значительной степени условный характер, и второй тип вполне может пониматься как частный случай первого. Вместе с тем, даже при таком взгляде на проблему этим членением нельзя пренебрегать, поскольку его грамматическая и семантическая роль достаточно велика (Пипченко Н. М. 2008: 196 с).

По аналогии с общей классификацией предложений русского языка, среди предложений, обладающих субъективно-модальными значениями можно выделять дву- и односоставные, а равно и внутри односоставных также выявляются безличные предложения, которые, наряду с другими разновидностями безличных высказываний попадают в фокус нашего исследования.

Посмотрим, при помощи каких языковых средств передаются в них модальные значения. В целом, существует четыре способа передачи субъективно-модальных значений, в зависимости от используемых носителем языка словоформ: а) при помощи безличных модальных глаголов (*следует, хочется, стоит* и др.); б) при помощи слов категории состояния (*можно, необходимо, нельзя, нужно* и др.); в) безличных глаголов на *-ся* (*играется, дышится, работается* и др.); г) инфинитивов (В.В.Виноградов 1954: 77).

Безличный модальный глагол начинает выполнять свою предикативную функцию в структуре предложения в паре с инфинитивами, следовательно, можно говорить об этом классе глаголов как о вспомогательном. Достаточно подробно частотные лексические значения большинства модальных глаголов

перечисляются в одной из работ В.В. Виноградова, наглядно показывающего, какие метаморфозы претерпевает отношение субъекта и предиката при активизации тех или иных глаголов: так, глагол *следует* будет показателем внешней, навязанной или предписанной субъекту необходимости действия, вероятно, повеления; в то время как глагол *приходится* будет указывать на объективные обстоятельства, не имеющие персонализируемого источника, однако тоже склоняющие субъекта к выполнению какого-либо действия против воли. Любопытным представляется в данном контексте употребление глагола *хочется*, одновременно указывающего на желательность действия, отвечающего потребностям и интересам субъекта, источником какового, однако, выступает как бы не сам субъект, а сила влечения, не до конца или вовсе не контролируемого субъектом.

Всю полноту предикативных функций в безличном предложении может нести на себе и инфинитив, в этом случае само предложение получает наименование *инфинитивного*. В отличие от ситуаций со вспомогательными модальными глаголами, в таких предложениях неопределенная форма глагола получает независимую позицию и сама по себе наделяется конкретным модальным значением, которое будет напрямую зависеть от того, какой вид инфинитива используется во фразе, и как такая фраза будет построена. Многочисленные вариации построения безличных предложений довольно скоро разрушают стройный перечень закрепленных за теми или иными глагольными формами модальных значений, создавая двусмысленности, недоговоренности и просто провоцируя ошибочную коммуникацию, так что иногда даже кажущиеся устойчивыми фразеологические сочетания требуют добавления в речь разных служебных элементов, как то частицы. Как и во всех прочих случаях, инфинитивная разновидность безличного предложения, несмотря на обманчивую свободу синтаксической формы, подчиняется определенным требованиям, касающимся, прежде всего, структуры и грамматики такого предложения, так что если в таких фразах возникает субъект, он может быть выражен в форме личного местоимения, либо существительного в форме дательного падежа (*Ему рано завтра вставать!*).

Исходя из вышеперечисленных особенностей, можно заключить, что в общих чертах инфинитивные предложения обозначают либо а) необходимую модальность, которая в свою очередь понимается или как принудительная необходимость, или как необходимость заинтересованная (*Быть Петербургу пусту; Мне еще ехать на Васильевский остров; А вам здесь ночевать*); либо б) возможную модальность (предусматривающую как возможность, так и невозможность совершения какого-то действия: *Вам бы сесть на девятый трамвай; Где вам меня знать! Не вам решать! Мне не успеть*); либо в) модальность желательную (чаще всего с использованием частицы *бы*: *Мне бы жениться; Только бы успеть!*).

Безличные структуры типа *Нам есть, что поведать друг другу*, или, наоборот, *Мне не о чем с тобой говорить* принято рассматривать особо, в дополнение к основному распределению семантически определяя их через значение *целесообразности*.

## 1.2 Выражение действия

При доскональном изучении безличное предложение предстает одним из наиболее гибких лексико-семантических инструментов языка, инструментом, способным относительно компактно передавать целые группы значений, которые точно так же поддаются перечислению. Например, мы можем говорить о так называемых глаголах действия. Так как речь идет не просто о лексикологических свойствах этих глаголов, а о модальности, указанные глаголы, а также сочетания глагов со словами категории состояния могут подразделяться на а) обозначающие возможность или невозможность, желательность или нежелательность, необходимость или отсутствие необходимости того или иного действия (*Необходимо понять, что происходит; Нельзя же быть одновременно в трех местах! Можно позволить себе недорогой отдых в предгорьях Кавказа*); б) обозначающие целесообразность или нецелесообразность действий, вообще их связь с целеполаганием, приоритетами, интересами и потребностями субъекта (*Важно дожить до рассвета и добраться до дома, а там что-нибудь уж придумаем*); в) обозначающие количество усилий, необходимых для

совершения действий (*Трудно перенести утрату самых близких родственников*); г) выражающие состояние субъекта, совершающего (или совершившего) действия (*Противно вас слушать*); д) указывающие на пространственно-временные координаты действия (*В казарме мне теперь жить решительно невозможно*).

По остроумному наблюдению Е.Н. Дуровой, иногда личное предложение (*Я не сплю*) можно без потерь трансформировать в безличное с использованием возвратного глагола (*Мне не спится*), что служит лишним доказательством высочайшей грамматической пластичности односоставных безличных форм.

А.А. Камалова она отмечает, что «В ряде случаев представлен лексико-грамматический способ концептуализации, при котором несостояние думается как состояние: действие предстает как переживаемое состояние: *Ночью мне хорошо и спокойно работается*. Благодаря такой семантике глагола границы процессуального состояния значительно расширяются» (Дурова, Е. Н. 2011: 42).

Спектр лексико-грамматических и семантических возможностей, которыми в русском языке обладают безличные глаголы, расширяется еще больше за счет возвратного постфикса *-ся*, несмотря на то, что общее число возвратных безличных глаголов в лексическом корпусе крайне невелико.

Если начать прокладывать себе дорогу к статистическому подсчету безличных конструкций, следует прежде всего отдать себе отчет в том, что как бы ни были велики все эти возможности, система языка в процессе своего развития неизбежно будет отсеивать менее частотные варианты словоупотребления и фиксировать, удерживать в узусе более распространенные. Вот почему применительно к глаголам действия в составе безличных предложений принято говорить о наиболее часто задействуемых лексико-грамматических разрядах (ЛГР) подобных глаголов. Название каждого ЛГР помечает своего рода «пучки значений». Это 1) расположения в пространстве (*Что вам не сидится? Хорошо ложится?*); 2) физиологического состояния (*Что-то плохо чихается; Живется нам так*

себе); 3) эмоционального (психологического) состояния (*Отчего это мне взгрустнулось? Вечно мне все мерещится*); 4) функционального состояния (*Совсем не отдыхается*). Значительно реже встречаются такие ЛГР, как 1) физиологического действия (*Дышится как-то тяжело; Чтоб тебе целую неделю икалось!*); 2) социальной деятельности (*Не пьется, друзья, простите; Не пляшется ей на веселом празднике*); 3) речевой деятельности (*Эх, нам бы обо всем наговориться сейчас!*); 4) звучания, голосовой активности (*Все никак не нареветься; Вроде не было ничего смешного, а хохоталось до слез и во весь голос*); 5) движения (*Ну как, хорошо прыгается на месте? Гулялось спокойно и привольно*).

Имеет ли смысл дальнейшая, более тонкая классификация внутри разрядов? Из приведенной выше схемы заметно, что границы между некоторыми из них слишком прозрачные, один тип может легко переходить в другой, так что ограничимся на сей раз теми перечнями, которые предлагаются в большей части сегодняшних учебных пособий и академических трудов.

### **1.2.1 Состояние человека или животного**

Проводя выше типологические различия между отдельными видами безличных предложений и глагольных форм, мы подошли к одной из глобальных лингвистических тем, одному из важнейших свойств человеческого языка, к его способности на самом деле воссоздавать присущие тем или иным культурам, обществам и социальным группам картины мира: на материале модальных глаголов мы увидели, как человек при помощи языка тематизирует и проблематизирует окружающую действительность в необъятном многообразии ее элементов и явлений, как познает себя, причины и мотивы своих поступков, истоки своих желаний, убеждений, эмоциональных реакций на те или иные явления. Другими словами, модальные аспекты высказываний позволяют нам осмыслять и выражать определенные *состояния*. Понятие состояния в языке обладает довольно специфическим статусом. Являясь универсальной категорией, оно в то же время не имеет закрепленных за собой знаковых средств, средств

языковой репрезентации. Выражаясь образно, мы не можем указать на абсолютное место состояния на языковой карте, вместо этого мы можем лишь выявить эту категорию на фоне прочих лингвистических универсалий — процесса, действия, качества и других.

Тем не менее, именно в отсутствие категории состояния мы бы просто не могли сформировать полноценную языковую картину мира: противопоставление *состояния* как конкретной формы пребывания субъекта в реальности и *процесса* как движения во времени между различными фиксированными точками следует признать базовым для человеческого мышления как такового, к его наиболее фундаментальным и укорененным в познавательной активности индивида приложениям можно отнести оппозицию динамики и статики, синхронии и диахронии и так далее. Для характеристики действия, реализуемого как динамическая последовательность, выдающийся отечественный лингвист А.В. Бондарко предлагал отдельную категорию, названную в его работах «процессностью» (Бондарко А.В. 2005: 236). Существенное различие между состоянием и процессом состоит также в антропном факторе, факторе целеполагания, воли, разумного контроля: процесс поддается внешнему управлению, воздействию со стороны субъекта. Статичное, неупорядоченное, протяженное во времени состояние предполагает идею сил, неподвластных этим усилиям, не зависящих от волюнтаристского вмешательства.

В сфере языкового выражения бытовое восприятие сложных лингвистических феноменов, скорее всего, разглядит эту исходную дихотомию в разделении имен и глаголов, в особенности памятуя об основополагающем для синтаксиса разделении между субъектом и предикатом высказывания: как кажется, всякое действие имеет начало и конец, предполагает динамическое отношение между стартовым и конечным состоянием, причиной и результатом, в то время как имя может отсылать как конкретному, частному объекту действительности, так и к классу объектов, понятию, изъясняясь в духе платоновской философии, к идее объекта, неподвижной и бесконечно протяженной во времени. Однако

функциональный анализ оберегает нас от чрезмерно поспешных, схоластических по своей сути выводов. Именно глаголы, способные по своим лексическим свойствам выражать протяженность во времени, считаются главными единицами, главной частью речи, выражающими, таким образом, *состояние*. Временная протяженность не подразумевает неподвижности, хаотичности и далеко не всегда указывает на отсутствие регулярных изменений, жесткой внутренней структуры. По существу, это понятие обозначает лишь то, что некоторое состояние *длится* сколь угодно долго, без значимых изменений. Состояние открыто вовне, не нуждается в конечной точке, в которой накопленные трансформации становились бы необратимыми. Когда мы сообщаем собеседнику, что спим или что нам хорошо спалось, собеседник не сможет составить для себя исчерпывающей и ясной хронологии событий: мы могли спать и шесть, и восемь, и двенадцать часов.

Теснейшая взаимосвязь между понятиями состояния и модальности заставляет ученых говорить об особых формах слов, принадлежащих различным частям речи, однако имеющим общие семантические свойства — это *слова категории состояния* или *предикативы*. В полном соответствии с этими говорящими названиями, данные слова в составе безличных предложений приобретают способность, образуя сочетания с инфинитивными формами глаголов, передавать модальные значения. В общих чертах типология этих значений напоминает те типологии, которые были рассмотрены выше на материале инфинитивных предложений. Здесь мы вновь сталкиваемся с необходимой модальностью, передаваемой при помощи слов *надо, необходимо, нужно*, а также слов, указывающих на долженствование по времени *пора, время, некогда*; с модальностью возможной (*возможно, невозможно, можно, нельзя*); и наконец, с желательной модальностью (*неохота, желательно*). Так же, как и в уже описывавшихся случаях, имеет место тематизация принудительной (вынужденной) и заинтересованной необходимости (Ср. *Мне необходимо подготовить отчет* и *Мне необходимо прилечь*). Что касается слов категории



состояния *можно*, *невозможно*, *нельзя*, то применительно к ним можно отметить интересную особенность: несмотря на то, что, выражая вероятность, допустимость, возможность, предложения, образованные составными членами, содержащими эти маркеры, как правило, апеллируют к конкретному лицу или кругу лиц, в русском языке субъект, приобретающий некоторую возможность, в предложениях данного типа почти никогда не обозначается, хотя формально здесь допускается имя в дательном падеже (Ср. *Здесь можно дождаться транспорта* и *Здесь нам/вам можно дождаться транспорта*). Практически это сообщает данного типа суждениям обобщенное значение.

Полисемантичным следует признать слово *нельзя*, одновременно отсылающее к нескольким типам модальности (*Сюда нельзя заходить! Нельзя ли говорить погромче? Нельзя нарушить законы механики* и т. д.).

Значительную роль для понимания разнообразия модальностей русского языка играют возвратные формы безличных глаголов на *-ся*, как *нельзя* лучше запечатлевающие аспект неподвластности человеческой воле и рефлексии определенных состояний (как правило, эмоциональных или физических). Заметим, что избыток этих форм вызывает серьезные трудности у иностранных студентов при изучении русского языка, чему причина — слабая представленность или полное отсутствие эквивалентных конструкций в их родных языках.

Весьма показательны в контексте нашего исследования такие безличные конструкции, которые призваны передать затруднения при осуществлении какой-либо деятельности, либо же полную невозможность, неосуществимость таковой, прежде всего конструкции с частицей *н* и возвратными формами безличных глаголов. В данном случае заложенное в структуре высказывания отрицание подчеркивает независимую от субъекта, недоступную активному вмешательству, противодействию, природу возникающих затруднений. Особое значение здесь приобретают и дифференцирующие элементы, благодаря которым описывается ситуация, группируются обстоятельства, объясняющие то, почему тот или иной акт

становится невозможным. Дифференцирующий элемент может быть растворен в контексте, так что для грамотного анализа потребуются какие-то другие суждения говорящего, а может быть выражен эксплицитно.

I. Дабы прояснить это соображение, мы можем взять два контрастных примера: *Я не работал — Мне не работалось*. В обоих примерах потенциальные дифференцирующие элементы будут вписаны в грамматическую структуру высказывания. Ср. *Я не работал, а отдыхал* (двусоставная конструкция). *Мне не работалось, я устал накануне, было слишком трудно сконцентрировать внимание* (безличная конструкция).

II. Внешний, не обусловленный волей субъекта фактор (или сочетание факторов) может пониматься не только как препятствие к завершению действия, но и, напротив, как качественный признак или атрибут действия или состояния. И вновь модальный аспект высказывания, признающий участие субъекта в процессе или его пассивную в нем роль, будет предопределять структуру предложения. Ср. *Он на славу поработал сегодня* и *Что и говорить, в отсутствие начальства поработалось на славу*. Во второй фразе дифференцирующие элементы указывают на благоприятное обстоятельство, никак не зависевшее от воли того, кому на славу поработалось, если только работник не вытолкал начальство самостоятельно.

III. То же самое можно наблюдать и в ходе анализа вопросительных предложений. Ср. *Как отдыхаешь?* («Что делаешь, чем занимаешься на отдыхе?») и *Как тебе отдыхается?* («Как ты себя чувствуешь во время отдыха? Как отдых воздействует на тебя?»).

Итак, как мы можем видеть, двусоставная конструкция с подлежащим и сказуемым, с однозначно интерпретируемыми отношениями субъекта и предиката, семантически более адекватна представлению об активном, целенаправленном действии, направляемом усилиями и желаниями субъекта. Самопроизвольные состояния, внутри которых помещен пассивный, претерпевающий субъект, чаще передаются через односоставные, безличные глагольные образования, с безличными возвратными глаголами.

### 1.2.2 Состояние окружающей среды

Универсальный когнитивный принцип, по всей вероятности, лежащий в основании языковой деятельности человека и чрезвычайно точно концептуализированный наукой в понятии модальности, простирается не только на сферу индивидуальной активности человека, межличностных отношений и рефлексии относительно собственного мышления, но и на отношения людей с окружающей средой, миром материальных природных явлений. Различные уровни высказывания кристаллизуют в себе несколько основных способов восприятия и оценки состояния природы: слуховой, визуальный, обонятельный, осязательный; в богатом синтаксическом репертуаре человеческих языков отображается и способность человека оценивать (критически или удовлетворенно) характер и меру своего личного воздействия на среду и обратного влияния, оказываемого внешними явлениями на его повседневное существование, при этом в расчет принимается огромное число вариантов между полюсами благоприятного и неблагоприятного воздействия. Структурно-семантическое устройство безличного предложения в русском языке, с его многообразными возможностями и множественными перспективами, гармонично уравнивает персональный и имперсональный аспект взаимодействия человека и природы, помещая природные силы в привычные логические рамки языка, наделяя их субъектностью и предикативностью, в то же время подчеркивая их отдельность от человеческого сознания.

Так, к описанию природных явлений, наверное, чаще всего привлекаются личные глаголы, используемые при составлении безличных конструкций. Особый интерес этому словоупотреблению придает тот, что перед нами еще не вполне заверченный процесс морфологической трансформации: далеко не для всех подобных глаголов безличность успела стать органической чертой, эти изменения совершаются в буквальном смысле на наших глазах в течение длительного исторического периода, причем захватывают они все больше и больше глаголов: *громыхает, льет, застилает, печет, свистит, дерет*. Существенным моментом является то, используется ли при построении таких фраз переходный или непереходный

глагол — это влияет на образование тех или других оттенков смысла. Метафорический и метонимический потенциал этих сочетаний с избытком проявляет себя как в художественных, так и в фольклорных текстах. Яркий тому пример — загадки (*Не пьшит, не дышит, в сухом дереве лежит*), но отражена данная особенность и в былинах, и в песнях, и в сказках. Не пускаясь в мифопоэтические спекуляции, в этих структурах следует признать следы мифологического сознания.

Сходным образом работают безличные конструкции и в предложениях, повествующих о воздействии природных импульсов на физическое состояние — неслучайно одни и те же безличные глаголы в ряде случаев могут выражать как первый, так и второй тип значения. Ср. *Печет-то как на улице! Осторожнее, голову напечет! Как же сильно печет в правом боку.*

При помощи безличных предложений перестраивается семантика: источник неблагоприятного влияния, оказанного природной средой на человеческую жизнь, может быть переосмыслен в противоположном духе — как инструмент или проводник влияния, на деле оказываемого по воле недоступных людскому разумению, непознанных сил. Ср. *Человека убил ток. Человека убило током.* Нельзя пройти мимо того, что приведенная здесь конструкция, непременно включающая в себя имя (дополнение) в творительном падеже является излюбленной у литераторов: *В прихожей пахнет капустой и мазью лыжной* (Бродский). *Вот уже потянуло навстречу сухим и сладким ветерком...* (Бунин).

А вот обозначения физических и атмосферных явлений через безличные глагольные конструкции, несмотря на их широкое распространение в повседневной речи, крайне немногочисленны и свидетельствуют, скорее, о бедности лексического строя русского языка в отношении слов, способных передать время, фазы светового дня и так далее. Неслучайно безличное предложение «Смеркалось» носителями языка воспринимается все чаще с иронией и снисхождением, едва ли не став синонимом банальности и бездарности повествовательного текста, начинающегося такой фразой. Предложения вроде *Светаёт, Темнеет*, дополняются скудным набором из

*Дождит, Накрапывает, Моросит, Задувает* и так далее.

До сих пор ведутся споры о том, какую роль в зарождении этих синтаксических построений сыграли древнеславянские языческие культы. Недаром А.А. Потебня писал о них: «мы видим сейчас явления там, где древние - субстанцию» (Акимова Г. Н. 2008: 14).

## **Выводы**

Исследованиями в разное время отдали дань такие замечательные ученые, как В. В. Виноградов, А.А. Шахматов, А.Н. Тихонов, Н.С. Валгина, А.А. Камынина, А.В. Петров, Д.Э. Розенталь и многие другие.

В этих исследованиях достаточно быстро встал вопрос о методологически оправданной типизации безличных глаголов и глагольных конструкций. Этот вопрос почти с самого начала перерастает в проблему частного и общего, когда одни типы как бы поглощаются другими, либо между ними затруднительно провести четкую разграничительную линию.

Эта критериальная неопределенность породила не только массу сложностей, но и стимулировала дальнейшее развитие методов лингвистического анализа, как то психологического направления (А.А. Потебня, Д.Н. Овсянко-Куликовский); логического (А.Х. Востоков, Ф.И. Буслаев); историко-психологического и формально-грамматического направления (Ф.Ф. Фортунатов). Позднее эстафета была подхвачена Шахматовым и Пешковским. Для предлагаемых классификаций в разное время использовали критерий грамматической формы (Пешковский); критерий «вещественного» и грамматического значения (Лекант); семантические особенности предложений (Е.С. Скобликова).

Так или иначе, можно опереться на промежуточный вывод, согласно которому безличные глаголы, в той или иной методологической парадигме, образуют ряд устойчивых семантических групп вокруг областей значений, указывающих на состояние окружающего мира, состояния человека и качественных характеристик действий с непроясненным или непроявленным до конца происхождением.

Важно не забывать, что речь идет лишь о самом общем типологическом наброске. Безличность конкретной глагольной словоформы, за немногочисленными исключениями, выявляется только в контексте высказывания или последовательности высказываний, при учете их семантических и формальных отличительных черт, в их соотношении с личными формами и глаголами, у которых принципиально отсутствуют формы некоторых лиц.

**Глава II. ОСОБЕННОСТИ БЕЗЛИЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В  
РУССКИХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ «ДВОЙНИК» Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО  
И «ЗОНА» С. ДОВЛАТОВА**

## 2.1 Предложения со значением физического состояния

В анализируемом произведении Ф.М. Достоевского, безличные предложения, выражающие состояние, которое можно отнести непосредственно к физическому (или физиологическому), немногочисленны, и преимущественно описывают болезненные, дискомфортные состояния.

Значение предложения *В глазах у него потемнело* трактуется следующим образом: «От слабости, предельной усталости кому-либо становится плохо».

*Морозом подернуло у него по спине.* – согласно указанному словарю, означает состояние, когда человеком «ощущается озноб от сильного страха, ужаса, волнения».

Предложение с безличным предикатом в произведении С. Довлатова «Зона» мы встретили единожды:

*И тогда военнослужащим станет плохо от запаха крови...*

Предиката *плохо* здесь употребляется в значении тяжелого состояния, недомогания.

Рассмотрим конструкцию данного предложения с безлично-предикативным словом на *-о*. Существительное *военнослужащие* здесь имеет субъектное значение, однако его форма не позволяет включить его в грамматическую основу предложения.

В русском языке предложение типа *Военнослужащим станет плохо* можно изменить как *Военнослужащие плохо себя почувствуют* (двусоставное предложение с подлежащим в именительном падеже). Конструкция с субъектом в форме косвенного падежа *Военнослужащим* ясно выражает физическое состояние человека. Тем более, что данная конструкция, за счет формы будущего времени – *Военнослужащим **станет** плохо* – носит, по сути, характер предположительный, или вероятностный.

Для нас представляет интерес, чем объясняется отсутствие субъектных форм в структуре предложения С. Довлатова: является оно свидетельством безличности предложения или служит для выражения какого-либо особого



значения.

Представляется, что в данном случае анализируемое предложение с предикативом состояния и незамещенной позицией субъекта может быть объяснено как передача - представление личностного восприятия описываемой ситуации автором (*Свинью затащили в кузов. Она лежала неподвижно, только вздрагивали розовые уши. Вскоре ее привезут на бойню, где стоит жирный туман. Боец отработанным жестом вздернет ее за сухожилие к потолку. Потом ударит в сердце длинным белым ножом. Надрезав, он быстро снимет кожу, поросшую грязной шерстью. И тогда военнослужащим станет плохо от запаха крови...*), как свойственного всем людям в данных обстоятельствах, то есть, в какой-то мере обобщенно личное значение. Таким образом, незамещенность позиции субъекта в данном предложении, по нашему мнению, служит для выражения определенных субъектных значений автора, описываемая им картина предстоящего убоя свиньи вызывает у автора внутреннее содрогание, если не сказать – отвращение, и он трансформирует свои ощущения, утвердительно приписывая реакцию военнослужащим, причем в будущем времени.

В отличие от предложений, выражающих непосредственно физическое состояние человека, мы выделили в исследуемых текстах значительную группу безличных предложений, выражающих интеллектуальное восприятие физического состояния человека.

Семантика этих предложений обуславливает и их строение. В них выражается состояние, а не деятельность субъекта, они не связаны с деятелем, поэтому в них нет подлежащего, а есть только сказуемое.

В «Двойнике» Ф.М. Достоевского выявлена группа безличных предложений, выражающих интеллектуальное восприятие физического состояния человека, с возвратными глаголами.

*Глухо занывало сердце в груди господина Голядкина; кровь горячим ключом била ему в голову; ему было душно, ему хотелось растянуться, обнажить свою грудь, обсыпать ее снегом и облить холодной водой.*

Данное предложение интересно по своей структуре и лексическому

содержанию. Субъектом описываемого состояния, несомненно, является господин Голядкин, но этот субъект выражен Ф.М. Достоевским «расчлененно», с помощью предложно-падежных комплексов. Наряду с обозначением господина Голядкина, как лица, испытывающего распад сознания – безумие, здесь обозначаются и конкретные места – части тела Голядкина как целого – человека, в котором это состояние безумия локализуется. С этим связаны лексические ограничения на выражение частей субъектного комплекса: первая часть выражается только личными существительными, вторая – только предметными существительными, представляющими собой наименования частей тела человека: *сердце - в груди; кровь - в голове*. Объединяет в комплекс отдельные физические части Голядкина как субъекта часть предложения *ему* (Голядкину) *было душно* – образуемая предикативом (словом «категории состояния») на - *о*. По характеру своего лексического значения предикатив *душно* может образовывать предложения двух типов: описывающие состояние среды (*В комнате душно*), и, как в «Двойнике» Ф.М. Достоевского, – описывающие состояние лица (*Ему душно*) – об ощущении удушья, испытываемого человеком.

Это предложение, несмотря на расчлененность состояний все-же, на наш взгляд, не является двух-, или трехсубъектным, поскольку носителем состояния является одно лицо – Голядкин, обозначенное комплексно (целое и его часть). Лицо, являющееся носителем состояния, обозначено в предложении прямо и в контексте отдельные его частей, а его позиция в предложении сохраняется: *Глухо занывало сердце в груди господина Голядкина; кровь горячим ключом била ему (господину Голядкину -3 лицо) в голову; ему (господину Голядкину) было душно, ему (господину Голядкину) хотелось расстегнуться.....*

Представляется, что в данном случае прием Ф.М. Достоевского считается художественно оправданным, поскольку это позволяет детально развернуть клиническую картину сумасшествия героя, его расколотость, расчлененность, и при комплексном обозначении Голядкина как субъекта

описываемого состояния Достоевский, как художественный прием, применяет нарушение соответствия между семантической и синтаксической валентностями слова: единая семантическая субъектная валентность расщепляется на две синтаксических валентности: обозначение Голядкина - лица и обозначение тех его частей, в которых локализируются состояния – голова и сердце.

Достоевский широко использует сочетания личных и безличных конструкций с возвратными глаголами и предикативами на –о в рамках сложного предложения:

*Вот в таком-то положении, господа, находим мы теперь героя совершенно правдивой истории нашей, хотя, впрочем, трудно объяснить, что именно делалось с ним в настоящее время.* Несмотря на то, что первая часть предложения – двусоставна (*мы находим*), обращение к конструкции сочетания категорией состояния с инфинитивом, видимо, не случайно, поскольку *трудно объяснить*, исходя из контекста, не наблюдателям как субъекту действия, а происходящее вообще по сути своей загадочно, поскольку не герой, которого мы наблюдаем, производит какие-либо действия, а с ним *что-то делается*. Таким образом, определяющей особенностью грамматической семантики следующей в предложении конструкции *что именно делалось с ним в настоящее время* является значение стихийности, произвольности действий господина Голядкина, поскольку они являются результатом действия неопределенной совокупности стихийных сил или объективных обстоятельств. Самим употреблением модели Достоевским подчеркивается, что признак этот не имеет прямой связи с сознанием и волей героя - помимо его воли, им что-то управляет.

Помимо рассмотренного случая, слово категории состояния *трудно* в поэме встречается еще 9 раз:

1. *разобрать было трудно*
2. *трудно под маской узнать человека-с.*
3. *знаете ли-с, оно не совсем и трудно-с.*
4. *на который щелчок протестовать было трудно.*

5. *почему вот именно трудно протестовать хоть бы на такой-то щелчок*

6. *трудно сказать*

7. *трудно сказать, чем бы кончилось дело.*

8. *трудно было отличить*

9. *действительно трудно было веру дать всему этому делу*

В этой связи интересно, что в «Зоне» С. Довлатова, где содержание повести - описание жизни заключённых и их охранников, на ассоциативном уровне предикат *трудно* кажется более востребованным при воспроизведении чудовищных подробностей армейского и зековского быта, тем не менее, в повести нами выявлено его употребление только в шести случаях:

1. *Как выяснилось, найти издателя чрезвычайно трудно.*

2. *А этих людей трудно было чем-нибудь удивить...*

3. *При всем желании Раю трудно было назвать хорошенькой.*

4. *И человеку будет трудно прикурить на ветру.*

5. *Пришлите мне, если не трудно, образцы ваших шрифтов и два катало*

6. *Но без помощника трудно.га.*

Причем, в конструкции этих предложений незамещенность позиции субъекта состояния является следствием определенно-личного значения предложения. При отсутствии в предложении обозначения носителя состояния формы, называющие само состояние, у С. Довлатова в приведенных предложениях они ориентированы только на самого повествующего: *трудно* в этих предложениях можно интерпретировать только как *трудно* «здесь» и «мне» - автору, или «ему» - человеку.

Довольно частотны и в «Двойнике» Ф.М. Достоевского, и в «Зоне» С. Довлатова безличные предложения, выражающие интеллектуальное восприятие физического состояния человека, с возвратными глаголами *случалось удалось, и т.д.*

Так, у С. Довлатова находим:

– *Мне тоже случалось бить посуду в гостях, – реагировал капитан, – это нормально. Для этого вовсе не обязательно иметь сильный голос...*

Здесь имеют место безличные конструкции, используемые автором для характеристики самопроизвольного действия, обусловленного внешними обстоятельствами (*случалось бить посуду*), не связанного с волей говорящего. В противном случае была бы конструкция *я тоже бил посуду*. Безличное предложение используется автором, чтобы выразить, что действие битья посуды вызвано причинами, не зависящими от воли и желания говорящего, а так сложились обстоятельства.

Если в ситуации содержится дифференцирующий элемент, указывающий на то, действие связано с волей говорящего, употребляется личная утвердительная конструкция двусоставного предложения: *Я бил посуду*. Если же в ситуации наличествует дифференцирующий элемент, указывающий на то, что действие внешними обстоятельствами, не зависящими от воли говорящего, употребляется безличное утвердительное односоставное предложение: *Мне случалось бить посуду*. Об отсутствии воли и желания бить посуду говорит и этимология глагола – «выпасть на чью-либо долю» и его синонимы - приключиться, произойти, проистечь, содеяться, сотвориться, стрястись. Активный семантический субъект независим и представлен подлежащим-существительным или местоимением в именительном падеже. Активное действие названо сказуемым, выраженным спрягаемой личной формой глагола.

Значение самопроизвольного действия, не зависящего от воли говорящего, находит выражение в структуре безличного предложения, где семантический субъект пассивен и представлен формой дательного падежа существительного или местоимения. Пассивность действия состояния представлена сказуемым, выраженным безличным возвратным глаголом.

У Ф.М. Достоевского:

*Так как, с своей стороны, господин Голядкин почти всегда как-то некстати опадал и терялся в те минуты, в которые случалось ему абордировать кого-нибудь ради собственных делишек своих, то и теперь,*

*не приготовив первой фразы, бывшей для него в таких случаях настоящим камнем преткновения, сконфузился препорядочно, что-то пробормотал, — впрочем, кажется, извинение, — и, не зная, что далее делать, взял стул и сел.*

Здесь глагол употребляется с той же целью и в том же значении, но в отличие от довлатовского предложения, у Достоевского наличествует сложная конструкция, сочетающая дву- и односоставность в рамках одного предложения.

Отличительная черта безличных предложений с возвратными глаголами у Ф.М. Достоевского, на наш взгляд, в том, что автор нарочито лишает героя осознанности и воли даже в самых естественных для любого живого существа физических или умственных действиях: смотреть, думать. Его герой не смотрит – ему *бросается* или *не бросается в глаза* что-либо: *ничего особенного не бросилось в глаза господину Голядкину*. Он и не *думает* – у него *проносится* или *мелькает в голове* какая-то мысль: *«Ведь не к дверям»*, — *пронеслось в голове господина Голядкина*. *«Медикаменты в той же аптеке»*, — *пронеслось в голове господина Голядкина*.

Он не цепляется за противника в схватке, а ему *приходится* (в смысле *удается*) его схватить:

*Несмотря на все это, герой наш словно из мертвых воскрес, словно баталию выдержал, словно победу схватил, когда пришлось ему уцепиться за шинель своего неприятеля, уже заносившего одну ногу на дрожки куда-то только что сговоренного им ваньки.*

Поговорить с сослуживцем Яковом Петровичем за долгое время совместной работы ему тоже не *удается*: *Право, мне как-то не удавалось с вами двух слов сказать во все это время*. О сознательности действия – бездействия свидетельствовала бы конструкция *Я за все это время с Вами не сказал двух слов*.

А тот случай, что двойник гостил у Голядкина по его же приглашению, который не должен вызывать сомнения в воле к действию героя, благодаря безличной конструкции превращается в волю провидения: *Я с умилением*

*вспоминаю о тех счастливых минутах, которые удалось нам провести вместе под бедным, но, смею сказать, радужным кровом моим.*

Глаголы типа *удаться, получиться*, будучи употреблены в утвердительной форме, указывают в главной предикации на реализованность возможности, называемой в предикации зависимой, в отрицательной же форме – на ее нереализованность.

Интересно, что у Ф.М. Достоевского *удалось* используется в значении «оказаться возможным», а у С. Довлатова эта же безличная конструкция употребляется в значении «удачно осуществиться, завершиться» - *Ему удалось соблазнить жену эстонского министра культуры*. Данная конструкция может быть заменена на *он смог соблазнить* без искажения или потери смысла высказывания, поскольку и там, и там воля и стремление к исполнению совершившего действие соблазнения не вызывает сомнения.

Таким образом, можно сделать вывод, что в анализируемых произведениях безличные предложения используются авторами по разному:

В «Двойнике» писатель «залазит в душу» герою, и все его физические состояния и действия, описываемые безличными конструкциями, служат для характеристики Голядкина наиболее ярко, отчетливо, через обращение писателя к скрытым глубинам психики своего персонажа. Без этого приема невозможно было бы показать, почему в итоге сознание его, физическое и психическое состояние не выдерживает напряжения, явь и кошмар в нем сливаются и происходит раздвоение героя.

У С. Довлатова обращение к безличным конструкциям обусловлено позицией беспристрастного наблюдателя со стороны, поскольку пристрастное участие описываемых им состояний и действий равно безумию. Интересно, что как и у Достоевского – у повествователя происходит раздвоение личности, но если для Голядкина – это означает конец жизни, то для повествователя у Довлатова – обезличивание и раздвоение это осознанное действие в целях самосохранения и выживания. Это хорошо иллюстрируется объяснением самого автора:

*Не важно, что происходит кругом. Важно, как мы себя при этом*

*чувствуем. Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает.*

*Поскольку любой из нас есть то, чем себя ощущает.*

*Я чувствовал себя лучше, нежели можно было предполагать. У меня началось раздвоение личности. Жизнь превратилась в сюжет.*

*Я хорошо помню, как это случилось. Мое сознание вышло из привычной оболочки. Я начал думать о себе в третьем лице.*

*Когда меня избивали около Ропчинской лесобиржи, сознание действовало почти невозмутимо:*

*«Человека избивают сапогами. Он прикрывает ребра и живот. Он пассивен и старается не возбуждать ярость масс... Какие, однако, гнусные физиономии! У этого татарина видны свинцовые пломбы...»*

*Кругом происходили жуткие вещи. Люди превращались в зверей. Мы теряли человеческий облик – голодные, униженные, измученные страхом.*

*Мой плотский состав изнемогал. Сознание же обходилось без потрясений.*

*Видимо, это была защитная реакция. Иначе я бы помер от страха.*

## **2.2 Предложения со значением психического состояния человека**

Путем сплошной выборки нами были выделены следующие безличные предложения со значением психического состояния человека:

К безличной конструкции с глаголом *хочется*—(хотелось) автор обращается в следующих случаях:

Так в «Зоне» С. Довлатова нами было выявлено 10 предложений:

*1. В этой связи мне бы хотелось коснуться природы литературного творчества.*

*2. Ему хотелось выхватить из кармана ПМ.*

*3. Мне хотелось покончить со всем этим до наступления абсолютной тишины.*

*4. Мне захотелось дать ему в рожу...*

*5. Мне хотелось предотвратить стандартный окрик: «Кто идет?!»*

*6. Мне хотелось быть откровенным и простым.*

*7. Мне бы хотелось написать о жизни и людях.*



8. Мне хотелось подвести их к зеркалу.

9. Видно, кому-то очень хотелось сделать из меня писателя.

10. Когда чайник закипит, страшно хочется пальцем заткнуть это дело.

У Ф.М. Достоевского подобных конструкций выявлено 7:

1. Дело-то в том, что он до сеней и до лестницы добраться умел, по той причине, что, дескать, почему ж не добраться, что все добираются; но далее проникнуть не смел, явно этого сделать не смел. не потому, чтоб чего-нибудь не смел, а так, потому что сам не хотел, потому что ему лучше хотелось быть втихомолочку.

2. Обед продолжался недолго; оба они торопились — хозяин потому, что был не в обыкновенной тарелке своей, да к тому же и совестился, что обед был дурной, — совестился же отчасти оттого, что хотелось гостя хорошо покормить, а частью оттого, что хотелось показать, что он не как нищий живет.

3. Может быть, если б кто захотел, если б уж кому, например, вот так непременно захотелось обратить в ветошку господина Голядкина, то и обратил бы, обратил бы без сопротивления и безнаказанно (господин Голядкин сам в иной раз это чувствовал), и вышла бы ветошка, а не Голядкин, — так, подлая, грязная бы вышла ветошка, но ветошка-то эта была бы не простая, ветошка эта была бы с амбицией, ветошка-то эта была бы с одушевлением и чувствами, хотя бы и с безответной амбицией и с безответными чувствами и — далеко в грязных складках этой ветошки скрытыми, но все-таки с чувствами.

4. Тут господину Голядкину захотелось еще о чем-то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно. — Ну, ничего!» — заключил наш герой и поехал к Измайловскому мосту.

5. Господину Голядкину весьма бы хотелось узнать, о чем они все так судят, и рядят, и шепчутся.

6. Глухо занывало сердце в груди господина Голядкина; кровь горячим ключом била ему в голову; ему было душно, ему хотелось растянуться,

*обнажить свою грудь, обсыпать ее снегом и облить холодной водой.*

В этой связи представляется целесообразным рассмотреть особенности их применения авторами с точки зрения авторских особенностей употребления в художественном тексте.

Следует отметить, что глагольные конструкции образца *хочу – хочется, грущу – грустится, плачу – плачется* формируют, с одной стороны, однородный, с другой — чрезвычайно насыщенный сопоставительный ряд. Ключевую роль в формировании такого ряда, несомненно, играет аффикс *-ся (сь)*, буквально удваивающий лексический и семантический репертуар, благодаря привнесению безличного значения в глагольные формы. Не менее важным и интересным феноменом представляется бытование этих парных образований в словарях: как правило, возвратные формы признаются лексикографами настолько близкими исходным, что не разносятся по отдельным статьям. Вместо этого в статье к исходной форме оставляется соответствующая помета. Однако встречаются и ситуации, когда возвратная форма выносится в отдельную статью — тем самым признается, что аффиксная форма в своем употреблении достаточно разошлась с безаффиксной, чтобы образовать собственную область значений. В то же время и в этом случае носитель языка уверенно опознает эти формы как парные. В результате, безличный глагол проявляет способность к образованию безличных предложений, сохраняя семантическую и контекстуальную связь с личной формой. Так закладывается основа для явления синтаксического параллелизма, в рамках которого обе формы становятся одинаково активными, не вытесняя друг друга.

Параллелизму модальных глаголов *хотеть – хотеться* в этих рядах соотношений надлежит отвести особое место, во-первых, как наиболее широко распространенному, во-вторых, как наиболее четко структурированному внутри себя: оба типа конструкции хорошо опознаются, семантически друг от друга отделены и уже успели сформировать вполне самостоятельные цепочки закономерностей и трансформаций.

К безличной конструкции с глаголом *хотется-(хотелось)* авторы

анализируемых произведений обращаются в следующих случаях:

Достоевский через использование безличных оборотов реализует так или иначе отмечавшуюся разными исследователями его творчества «маятниковую» структуру желаний и намерений своих героев, то стремящихся к цели, то испытывающих стыд, разочарование, страх и отступающих от нее. Расщепленный мир их сознания, нереализованные амбиции при неуверенности, недостаточной укорененности в представлении о себе как об автономном субъекте, как нельзя лучше подходит для того, чтобы быть описанным именно в безличных конструкциях, лишний раз заостряющий проблему воли, направляемой уединенным сознанием, воли, которой не суждено претвориться в жизнь.

*Тут господину Голядкину захотелось еще о чем-то подумать, но нельзя было; а было что-то такое ужасное, чего и объяснить невозможно. — Ну, ничего!» — заключил наш герой и поехал к Измайловскому мосту (Достоевский).*

Несколько иные коннотации приобретает безличный глагол *хочется (хотелось)* в довлатовской прозе. У Довлатова этот глагол, как правило, непосредственно указывает на вполне осознанное героем намерение, не встречающее сколь-нибудь коварных препятствий на пути к осуществлению. Более того, в большинстве случаев повествователь моментально предоставляет в распоряжение читателя причину возникновения того или иного желания, импульса, эмоции: *Мне хотелось предотвратить стандартный окрик: «Кто идет?!» (потому что) От этого у меня всегда портилось настроение.*

Персонажи Достоевского, при помощи рассказчика, в сценах, когда их поведение или их намерения кажутся им самим дискредитированными, заведомо ложными, нечестными, неприличными, получают возможность как бы спрятаться за безличные обороты: Безличная конструкция вместо личной часто используется Достоевским там, где причиной, препятствующей осуществлению желания, бывает чувство такта, вежливости, понимание человеком неуместности поступка. Это видно из следующих предложений:

*Дело-то в том, что он до сеней и до лестницы добраться умел, по той причине, что, дескать, почему ж не добраться, что все добираются; но далее проникнуть не смел, явно этого сделать не смел. не потому, чтоб чего-нибудь не смел, а так, потому что сам не хотел, потому что ему лучше хотелось быть втихомолочку.*

У Довлатова подобных примеров мы не встретили. Безличные конструкции в «Заповеднике» чаще всего мотивированы не импульсивной приостановкой действия, а конкретными, рационально постигаемыми внешними причинами (например, осознанием нежелательности или ненужности какого-то конфликта): *Мне захотелось дать ему в рожу... – Ладно, – сказал я и ушел.*

Кроме того, безличные обороты у Довлатова оформляют физиологические, не поддающиеся разумному контролю желания и поступки (о такого рода синтаксических единицах см. в книге Е.М. Галкиной-Федорук «Безличные предложения в современном русском языке»).

Так, внезапное желание капитана Егорова *выхватить из кармана ПМ. Затем – вскинуть руку. Затем опустить ее до этих ненавидящих глаз... Затем грубо выругаться и нажать спусковой крючок...* явилось следствием реальной опасности жизни капитана при встрече с бывшим зеком (*Мужчина встал. Из кулака его выскользнуло узкое белое лезвие. Тотчас же капитан почувствовал себя большим и мягким. Пропали разом запахи и краски. Погасли все огни. Ощущения жизни, смерти, конца, распада сузились до предела. Они разместились на груди под тонкой сорочкой. Слились в ослепительно белую полосу ножа..... Мужчина сидел неподвижно. Это была неподвижность противотанковой мины. Причина отказа капитана от своего намерения довольно прозрачна — бессмысленная жестокость и опасность такого предприятия. - Всего этого не случилось.*

Риск для жизни провоцирует отказ от реализации желания: *Всего этого не случилось.*

И все же время от времени анализируемая нами конструкция с глаголом *хочется-(хотелось)* у Довлатова передает и вполне осознанное, возникшее с

участием воли и разума человека желание, стремление. В первую очередь, это касается тех мест, где довлатовский герой делится с читателем своими самыми задушевными мечтами: *Мне хотелось быть откровенным и простым. Мне бы хотелось написать о жизни и людях. Мне хотелось подвести их к зеркалу.*

Безличная конструкция у Довлатова имеет место и там, где человек говорит о своем заветном желании, о самом дорогом в своих мечтах: *Мне хотелось быть откровенным и простым. Мне бы хотелось написать о жизни и людях. Мне хотелось подвести их к зеркалу.*

Сделанные наблюдения, подкрепленные простым подсчетом разобранных фактов, подвели нас к любопытному наблюдению: в «Заповеднике» число личных и безличных предложений одно и то же (по 9 на тип). Мы попытались определить основания для выбора авторами конструкции *хотел – хотелось*, и выявили интересный факт - в повести С. Довлатова абсолютно равно количество личных и безличных предложений (9 личных предложений с глаголом *хотеть* и 9 безличных с глаголом *хотеться*).

Если представить во всех этих примерах на месте личной конструкции с глаголом *хотел* безличную конструкцию с глаголом *хотелось*:

Так, в предложении *И я не хотел бы этого скрывать* замена конструкции на *и мне не хотелось бы этого скрывать* не наносит ущерба лексико-семантическому содержанию и характеру высказывания, то есть эти конструкции являются стилистическими дублетами. То же самое можно сказать о личной конструкции *Гурин сначала хотел отпустить натуральную бороду. Но опер сказал, что это запрещено режимом.* Безличная конструкция *Гурину сначала хотелось отпустить бороду, но...* - по нашему мнению, является равнозначной.

Попытаемся провести обратную замену в безличных конструкциях в повести С. Довлатова, например, приведенное выше о капитане Егорове: *Ему хотелось выхватить из кармана ПМ – ср: Он (Егоров)хотел (захотел) выхватить пистолет.*

Подобное замещение, по нашему мнению, не наносит ущерба лексико-семантическому содержанию почти всех безличных конструкций у Довлатова в анализируемой повести: *мне бы хотелось* = *я бы хотел*; *мне хотелось* = *я хотел*; *мне захотелось* = *я захотел*. Исключение, на наш взгляд, составляет лишь одно предложение: *Когда чайник закипит, страшно хочется пальцем заткнуть это дело*. Представим в этом примере на месте безличной конструкции с глаголом *хочется* личную (*хочу*), и станет ясно, что почему в данном случае автор избег личной конструкции: в личной конструкции желание выражено не столь сильно, человек заявляет о нем спокойно, и поэтому личное предложение не может так подчеркнуть силу стремления и то волевое усилие, которым человек подавляет свое стремление.

Таким образом, на наш взгляд в повести Довлатова личные конструкции с глагольными сказуемыми типа *хотеть* очень близки тем безличным, которые выражают осознанное, активное желание, и конкурируют с ними в частоте употребления. То есть в большинстве своём они стилистически равноценны. Так, приведенные выше примеры допускают замену одной конструкции на другую - личной на безличную - без ущерба для содержания, смысла. Видимо, поэтому в тексте встречается равное количество личных и безличных конструкций данного типа.

Совершенно иная картина в произведении Ф.М. Достоевского – личных конструкций с *хотел* в тексте - 30, а безличных с *хотелось* – всего 7, причем в одном предложении она встречается дважды (*...отчасти оттого, что хотелось гостя хорошо покормить, а частью оттого, что хотелось показать, что он не как нищий живет*).

Весомый количественный перевес свидетельствует о том, что Достоевский, по-видимому, ощущал разницу между двумя разновидностями конструкции и стремился использовать ее в целях создания речевых характеристик и неповторимого стиля авторского повествования. К примеру, личная форма используется для воссоздания реплик персонажей, тем самым использование более рефлексивных безличных конструкций задает определенную стилистическую дистанцию внутри нарративного устройства

текста.

Помимо нарратологической (и даже идеологической) мотивации, Достоевский принимал во внимание и то, как в принципе устроены те или иные синтаксические конструкции: устройство синтаксического целого, разумеется, не в последнюю очередь влияло на выбор нужной структуры с использованием глагола *хотеть*. Вот и в примере, который мы далее приведем, можно видеть, что безличное употребление продиктовано стремлением автора разместить глагольную конструкцию в ряду прочих однородных сказуемых, не изменив ни стилистической, ни интонационной достоверности и последовательности: *Дело-то в том, что он до сеней и до лестницы добраться умел, по той причине, что, дескать, почему ж не добраться, что все добираются; но далее проникнуть не смел, явно этого сделать не смел. не потому, чтоб чего-нибудь не смел, а так, потому что сам не хотел, потому что ему лучше хотелось быть втихомолочку.*

В целом же, процент стилистических дублетов в «Двойнике» невелик. Практически все безличные конструкции встречаются в характеристиках, которыми снабжает фигуру и поведение главного героя рассказчик, так что им сообщена почти единственная функция в общей структуре повествования. Безличный характер оборотов призван точнее, полнее раскрыть проблему распада сознания и личности, не находящей ни способа к реализации, ни спасительного психоэмоционального убежища в замкнутом мире чиновного Петербурга.

### **2.3 Безличные предложения со значением состояния природы**

Безличные предложения непосредственно со значением состояния природы нами не были выявлены. Обнаружена конструкция:

*Мало ли чудес есть на свете! Мать-природа щедра; а с вас за это ответа не спросят, отвечать за это не будете. Ведь вот, для примера, кстати сказать, слышали, надеюсь, как их, как бишь их там, да, сиамские близнецы, срослись себе спинами, так и живут, и едят, и спят вместе; деньги, говорят, большие берут.*

В данном случае безличное предложение отображает упрямую, но

лукавую веру, исповедуемую персонажем, веру-неверие, нацеленную на самоубеждение персонажа. Малочисленность предложений, передающих состояние природы, на что вообще часто обращалось внимание в литературе, посвященной Достоевскому, объясняется тем, что автор намеренно концентрируется на психологическом портрете героя. И это иллюстрирует фрагмент поэмы:

*Хотя снег, дождь и все то, чему даже имени не бывает, когда разыграется вьюга и хмара под петербургским ноябрьским небом, разом, вдруг атаковали и без того убитого несчастьями господина Голядкина, не давая ему ни малейшей пощады и отдыха, пронимая его до костей, залепляя глаза, продувая со всех сторон, сбивая с пути и с последнего толка, хоть все это разом опрокинулось на господина Голядкина, как бы нарочно сообщась и согласясь со всеми врагами его отработать ему денек, вечерок и ночь на славу, — несмотря на все это, господин Голядкин остался почти нечувствителен к этому последнему доказательству гонения судьбы: так сильно потрясло и поразило его все происшедшее с ним несколько минут назад у господина статского советника Берендеева!*

Вместе с тем, «ничего особенного не бросилось в глаза господину Голядкину. Казалось, все было в порядке, как следует, то есть снег валил еще сильнее, крупнее и гуще; на расстоянии двадцати шагов не было видно ни зги».

*На Севере вообще темнеет рано. А в зоне - особенно...* в этом предложении, личный глагол темнеет обозначает состояние природы, что на Севере вечер быстро темнеет чем в зоне.

В «Двойнике» Ф.М. Достоевского, безличные предложения со значением состояния природы встречаются в повести 10 раз:

*1. Я помню ту зиму, февраль, вертикальный дым над бараками. Когда лагерь засыпает, становится очень тихо.*

*2. Нарядчик упал. Стало тихо.*

*3. В санчасти было прохладно даже летом.*

*4. Когда мы вышли, было уже темно.*



5. Пахло рыбой и керосином.
6. В его кабинете было просторно и чисто.
7. Имеется топчан. И печка.
8. Рано утром выйду из гостиницы.
9. Будет прохладно и сыро.
10. Из зоны было видно школьное крыльцо.
11. Настало утро
12. В них что-то блеснуло.

Следует отметить, что Достоевский часто использует конструкцию безличных предложения с безлично-предикативным словом на **-о** могут обозначать состояние природы или окружающей среды. Общее значение этих безличных предложений данного типа определяется значением безличного глагола. Они могут обозначать состояние природы.

#### **2.4 безличные предложения с модальными глаголами**

Наиболее частотными в анализируемых произведениях являются безличные предложения с модальными безлично-предикативными словами *нужно, нельзя, необходимо, должно*.

Так, в «Двойнике» Ф.М. Достоевского выявлено 41 конструкция с использованием *нужно*, в повести Довлатова – 11 случаев, и это доминирующие конструкции.

Нами не было выявлено различий, которые бы указывали на авторские особенности использования данных конструкций в художественном тексте – для сравнений приведем по два наиболее типичных предложений из повести С. Довлатова и поэмы Ф.М. Достоевского:

*Нужно вырваться из этого ада... Нужно было идти* (Довлатов)

*Нужно вот справиться. Нужно показать ему твердость характера* (Достоевский)

Схематично эти конструкции выглядят: *нужно + инфинитив*

Таким образом, если в отношении безличных предложений, выражающих физические или психические состояния человека были выявлены значимые различия, обусловленные особенностями авторского

стиля, то в группе безличных конструкций, несущих значение предназначенности человека, принуждающей его к выполнению определенных обязательств – таковых не найдено. Возможно, это обусловлено схожестью положений героев в социуме. Несмотря на то, что оба они по определению люди свободные, но социум является доминирующим и управляющим фактором их действий, поведения и пр.

Герой Достоевского, не обладающий ни социально значимыми (чин, родство, богатство), ни романтически-индивидуальными («ни ума, ни характера, ни образования») данными для вхождения в «общество высокого тона» и вместе с тем связывающий свою самооценку с этими искусственными, по художественной логике Достоевского, шкалами ценностей, Голядкин вынужден мимикрировать в меру своего разума.

Герой «Зоны» надзиратель Борис Алиханов - двойник автора, который проходит через все рассказы-главы, складывающиеся в «своего рода дневник». Подобно Голядкину, которому не удалось стать «своим» для окружающего его общества, «он был чужим для всех. Для зэков, солдат, офицеров и вольных работяг. Даже караульные псы считали его чужим. На его лице постоянно блуждала рассеянная и тревожная улыбка. Интеллигента можно узнать по ней даже в тайге». Как и Голядкин, он попадает в бесчеловечные обстоятельства: его окружают уголовники и военнослужащие лагерной охраны, одинаково способные на любое насилие. И тому и другому, чтоб выживать в социуме именно *нужно* жить по его правилам.

Сравним такие предложения:

*Я должен вырваться из этого ада* (это мой долг, субъект обязан это сделать) - *Нужно вырваться из этого ада* (это необходимость).

Те же самые вариации применимы в качестве иллюстрации к конструкции Достоевского *Нужно вот справиться* (необходимость) - *Мне придётся справиться* (неизбежность совершить действие в силу сложившихся обстоятельств, именно обстоятельства заставляют субъекта совершить действие независимо от желания).

Если у человека удача в делах, когда обстоятельства складываются для

него благоприятно, ему просто везёт, используется безличный глагол удалось: *Им удалось провезти мои сочинения через таможенные кордоны. Оригинал находится в Союзе (Довлатов).* То есть провезли, но с большим трудом.

Конструкция со словом *приходится* употребляется в том случае, если говорящий хочет указать на то, что необходимое действие совершается против желания действующего лица: *Пришлось ему объяснять (Довлатов).*

Конструкции со словами типа *должен*, употребляются в том случае, если действующее лицо заинтересовано в выполнении действия. В том случае если необходимость совершить действие относится к любому действующему лицу, конструкция используется без позиции субъекта – *нужно, необходимо.*

Такая модель активно употребляется в правилах или инструкциях: *Для приобретения билета на поезд нужно предъявить паспорт. Сравним: Чтобы попасть в штрафной изолятор лагеря особого режима, нужно совершить какое-то фантастическое злодеяние (Довлатов).*

Видимо, оба автора сознательно наиболее часто прибегают к конструкции с *нужно*, приравнивая тем самым правила или инструкции к установкам своих героев.

Это можно проиллюстрировать двумя примерами откровений Голядкина и Алиханова:

*Там у них, я говорю, в большом свете, Крестьян Иванович, нужно уметь паркеты лощить сапогами... там это спрашивают-с, и каламбур тоже спрашивают, комплимент раздушенный нужно уметь составлять-с... вот что там спрашивают. А я этому не учился, Крестьян Иванович, — хитростям этим всем я не учился; некогда было. Я человек простой, незатейливый, и блеска наружного нет во мне (Достоевский).*

*Чтобы сделать такую карьеру, необходимы были фантастические усилия. Нужно было выслуживаться, лгать, карабкаться по трупам. Нужно было идти на подкуп, шантаж, вымогательство. Всеми правдами и неправдами добиваться своего. (Довлатов).*

Таким образом среди безличных конструкций с дативом со словами

«надо», «нужно», особенно характерной представляется группа безличных конструкций, несущих значение предназначенности человека, принуждающей его к выполнению определенных обязательств и в условиях зоны, и в условиях петербургского общества.

Видимо, по этой же причине на втором месте по частотности употребления в анализируемых текстах находятся безличные предложения с категорией состояния *нельзя* (В «Двойнике» Ф.М. Достоевского выявлено 35 конструкций, в повести Довлатова – 6 случаев).

## **Выводы**

Анализ безличных конструкций позволяет выделить то, что принципиально важно в них, что «все безличные предложения объединяет общее значение – независимость предикативного признака от воли субъекта, его произвольность».

Они используются автором для того, чтобы сообщать о произвольных и не зависящих от человека состояниях и явлениях. Настоящая причина таких состояний и событий не познана нами и представляется непознаваемой, поэтому позиция субъекта не заполняется вовсе или заполняется не именительным падежом – падежом активного субъекта.

Достоевский в своем творчестве широко использует все многообразие безличных предложений русского языка и с точки зрения структуры, и с точки зрения семантики, явления организма, внутреннего мира и психики человека, сферу модальности.

Однако особую смысловую функцию в его текстах играют те безличные предложения, которые описывают ситуации, связанные с характеристикой человека.

Итак, безличные предложения, являющиеся одной из характерных черт русского языка и выражающие специфические качества русского менталитета, в полной мере использовались Ф.М. Достоевским в его творчестве. С помощью них создается одна из важнейших черт его идиостиля - неуправляемость действий. Это напрямую связано с концепцией человека Достоевского, именно она в значительной мере определила выбор средств для описания «феномена человека».

Вместе с тем, на примере «Зоны», в отличие от «Двойника», можно сделать вывод, что разнообразие безличных конструкций, в повести не

говорит о неагентивности и покорности русских. Оно, скорее, свидетельствует о другом: у говорящего по-русски есть выбор, который позволяет передать тончайшие оттенки значений в выражении состояния и различных модальных и межличностных отношений. Если в повести говорится об активном действии, Довлатов выбирает агентивную конструкцию с именительным падежом субъекта.

## **Заключение**

Анализ безличных предложений с модальными глаголами позволил критически рассмотреть широкий круг аспектов их функционирования в современном русском языке с точки зрения различных классификационных систем, в разное время предлагавшихся лингвистами. Разнообразие подходов, оставленных нам в наследство именитыми исследователями, позволяет рассматривать как с грамматической, так и с функциональной, а равно и с семантической точек зрения.

Отдавая предпочтение безличным конструкциям при безусловном существовании синонимичных конструкций, содержащих личные глаголы, носители языка, с одной стороны, обогащают свою речь, развивают гибкость, изобретательность коммуникации, с другой — вольно или невольно реализуют на практике основополагающие черты, присущие русской ментальности, русскому языковому сознанию.

Обращение к материалу русской художественной прозы дополнительно убеждает нас в ряде своеобразных особенностей русской картины мира.

Можно было бы сделать поспешный вывод о том, что изобилие безличных конструкций подтверждает расхожее мнение о неагентивности и покорности русских, присущей им склонности мириться с обстоятельствами. Однако мы считаем, что дело здесь в другом, в возможностях выбора, в своего рода степенях свободы, предоставляемых русскому человеку его родной речью.

Таким образом, мы подходим к завершающему выводу о том, что репертуар безличных предложений доказывает разнообразие и сложность тех средств, которыми может оперировать носитель русского языка.

## Список литературы

1. Адмони В. Г. О двусоставности предложения // Ученые записки I ЛГПИИЯ, новая серия. Вып.2. Л., 1955.
2. Арутюнова, Н.Д. Стиль Достоевского в рамке русской картины мира // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Т.Г. Винокур / Т.М. Николаева, А.Д. Григорьева, В.Н. Топоров и др.; отв. ред. Н.Н. Розанова. - М.: Наука, 1996. – 896с.
3. Бабайцева В. В. Система односоставных предложений в современном русском языке. — М., 2004. – 512с.
4. Белошапкина В.А. Современный русский язык. - М.: Высшая школа, 1989. - 800 с.
5. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий и аспектологические исследования. М.: Языки славянских культур, 2005. – 624с.
6. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка. - М.: Высшая школа, 1978. – 418с.
7. Виноградов В.В. Академической грамматики Грамматика русского языка АН СССР. Т. II. Синтаксис. — М., 1954. – 444с.
8. Галкина-Федорок Е.М. О двусоставных и односоставных предложениях в русском языке // Филологические науки. — 1959. — № 2. – 332с.
9. Гвоздев А. Н. Современный русский литературный язык. Ч. II. Синтаксис. 3-е издание. — М., 1968. – 350с.
10. Дурова, Е. Н. Предложения со значением процессуального состояния в семантико-структурном аспекте (сравнение русского и испанского языков) / Е. Н. Дурова // Вестник Пермского университета. Сер.: Российская и зарубежная филология. - 2011.
11. Лекант П. А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке. / П. А. Лекант — 2-е изд. — М., 1986. – 247с.
12. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. - М.: Государственное учебно-педагогическое издательство, 1938. – С.342.
13. Пипченко, Н. М. II Современный русский язык : Синтаксис словосочетания и простого предложения / Н. М. Пипченко. – Минск : БГУ, 2008. – 196 с.
14. Синтаксис современного русского языка: учебник для филологических специальностей университетов СНГ/ Г. Н. Акимова, С. В. Вяткина, В.



- П. Казаков, Д. В. Руднев; под ред. С. В. Вяткиной. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2008. — 347 с.
15. Шахматов А. А. Синтаксис русского языка. — Л., 1941.
16. Шведова Н. Ю. Типология односоставных предложений на основе характера их парадигм // Проблемы современной филологии. — М, 1965.
17. Шведова Н. Ю. Грамматика современного русского литературного языка" / Под редакцией . — М., 1970.
18. Художественная литература «Зона» С.Довлатова,
19. Художественная литература «Двойник» Ф.А.Достоевского.